

Теплые слова о «Стране холода»

Новый том на моей книжной полке: Алексей Яшин, «Страна холода (2): Под опекой Арктогеи». Известный российский прозаик и публицист, выпускник Литературного института им. Горького, член Союза писателей России, автор десятков книг, лауреат полутора десятков литературных премий в странах Союзного государства и многочисленных медалей, главный редактор всероссийского журнала «Приокские зори», сотрудник редакционных коллегий ряда столичных и провинциальных изданий в России и Белоруссии, биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, дважды доктор наук, дважды профессор, академик, Алексей Афанасьевич Яшин продолжает серию рассказов своего излюбленного героя – Николая Андреевича. На сей раз писатель, сам уроженец и горячий патриот Заполярья, с которым не порывал связи, куда бы ни заносила его судьба, возвращается к повествованию о детстве Николки, сына смотрителя маяка, обитающего вместе с семьей на одном из островов Баренцева моря, к повествованию, начатому книгой «Страна Холода (детство в Гипербореях)».

Творчество А.А. Яшина, во многих отношениях яркое и самобытное, интересно ещё и как пример жанровых поисков в современной русской прозе. Сегодня обокраденные пронырливыми извращенцами от шоу-бизнеса поборники русского искусства затравленно вздрагивают при словах «художественный поиск», поскольку «арт-рынок» построен на спекуляции самыми мерзотными пакостями, которые дешевы в производстве и продаются куда как легче, чем рожденные из «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» произведения. Отступая от темы, давайте уж здесь честно скажем, что именно «арт-рынок» и убивает искусство, ибо подлинные шедевры при их гениальной окказиональности рынку невыгодны, а вот вонючие поделки как раз штампуются с периодичностью функционирования испорченного желудка и могут стать основой иного «бизнес-плана».

А вот разбирая «Страну холода», есть смысл поговорить о том, что такое настоящий поиск в искусстве. Подлинный творческий поиск немислим без базы, без учета, уже созданного предшественниками, то есть без традиции. В том-то и смысл новаторства: добавить нечто ценное к уже имеющемуся в копилке человечества. Так обстоит дело не только в искусстве, но и в науке, в медицине – в любой сфере деятельности. Не учившийся лекарь суть шарлатан и вредитель. Следовательно, не прошедший длительной и суровой подготовки художник не может быть назван новатором от живописи и даже признан порядочным маляром. Подходящие для него названия – только пачкун и мазилка. Новаторство вовсе не в отказе от традиций, ведь культура

(даже сельскохозяйственная) – это всегда труд, возделывание дикой природы, ее оплодотворение разумом и духовностью, а без такого возделывания невозможны не только искусство, но – шире говоря – культура и цивилизация как таковая. Осознанное насаждение дикости в искусстве неминуемо приведет к одичанию человечества, к такому его состоянию, когда род людской откатится к собирательству и меновой торговле. Тогда никакого рынка уже не нужно будет.

Так дельцы от псевдоискусства в погоне за легкой наживой готовят свою гибель. Что ж, туда им и дорога. Однако, погибая, они утащат за собой в небытие не только ту пошлость, которую безосновательно именуют «современным искусством», но и подлинное искусство, и цивилизацию.

А в подлинном искусстве, разумеется, тоже идет поиск, ведь отразить внутренний мир современного человека истинному мастеру необходимо адекватными эпохе средствами. Следовательно, разговор о настоящих творческих поисках необходим, как бы ни мешали ему самозванные «деятели культуры», шулерски жонглирующие украденными у добропорядочных творцов терминами, и новая книга Алексея Яшина, как сказано выше, – благодатный материал для подобной дискуссии.

В чем же своеобразие жанровых поисков автора, и как проявляется преемственность в его тексте? Каков творческий метод А. Яшина? К какому литературному направлению отнести его книги? Считать ли его очередное произведение «взрослой» или «детской» литературой?

Прежде всего, следует отметить, что не любая книга, в которой главным героем выступает ребенок, относится к детской литературе. «Детская литература», на мой взгляд, вообще понятие отвлеченное, пригодное для названия издательства, но не для критического анализа. Разумеется, есть книги, написанные специально для маленького читателя, но это изобретение инфантильной новейшей истории. Большая часть произведений, относимых ныне к детскому чтению, «зажигают не по-детски». Русские сказки или греческие мифы в их неадаптированных формах могли бы, скорее, сломать неустойчивую психику. Роман «Хижина дяди Тома», по известной оценке Линкольна, развязавший гражданскую войну в США, тоже легкой вещицей не назовешь. «Аленький цветочек» поднимает серьезные взрослые проблемы. Публиковавшиеся в журналах для детей стихи Хармса чаще всего цитируются людьми с пробивающейся сединой. Вот и Яшинское повествование о Николке с острова Большой Олений адресовано опытному и мыслящему читателю. Однако постановка в центр художественного

исследования психологии формирующегося человека само по себе показательны с точки зрения жанра.

И тут в первую очередь вспоминается жанр романа воспитания. А. Яшину и как писателю, и как ученому, разумеется, близки многие идеи эпохи Просвещения, а потому и его герой Николка наделен чертами героев Гёте, Вольтера, Руссо. Яшин – современный писатель, которому очевидны заблуждения XVIII века. Яшин – русский писатель, поэтому к европейской светскости относится со здоровой иронией. Яшин – писатель-реалист, следовательно далек от любых «штилей» и канонов классицизма. А все-таки в глубине души Яшин согласен с Руссо в том, что «естественный», близкий к природе, к первобытному состоянию, человек жизнеспособнее и нравственнее, чем выходец из высшего общества. С ним, с «естественным человеком», связаны надежды Алексея Яшина, от рождения присущая «*homme naturel*» витальная сила вызывает исторический оптимизм автора, хотя и сдержанный, но явственно ощутимый в каждой книге.

Важной, может быть, важнейшей особенностью жанра воспитательного романа является социальный аспект. Конечно, А. Яшину небезразлично, что за люди окружают его Николку, в какой степени и какими способами влияют на формирование личности мальчика. Однако в данном аспекте историческая преемственность у Яшина проявляется, можно сказать, от обратного, через переосмысление творческих наработок писателей-предшественников. Такой подход представляется вполне закономерным, поскольку о Николке с Мурмана заботятся люди, резко отличающиеся от тех, с кем судьба сводила, например, его сверстника Дэвида Копперфильда из Лондона. И хотя родители обоих подростков довольно скупы в проявлении чувств, однако в советском Приполярье это проявление искони присущей русскому северу сдержанности, а в Британии середины позапрошлого века – пуританской ментальности. Оба мальчика учатся в интернате, однако для Николки учеба – дорога во взрослую жизнь, дорога, на которой его сопровождают неравнодушные учителя и добрые приятели, а для героя Диккенса пребывание в воспитательном доме – настоящее мучение. Николка растет в гармонии с природой, Копперфильд – под кирпичными сводами капиталистического города. Главное же отличие: в Николке взрослые видят складывающуюся личность, будущего гражданина, которому предстоит нелегкая, но яркая жизнь, а в Дэвиде – средство обогащения, раба, с детства запреданного семейством в один из торговых домов.

Обобщая все образы, созданные в «Стране холода», следует, не мудрствуя лукаво, сказать, что персонажи книги Яшина – добрые. Не

сладенько-добренькие (в духе открыточных рождественских историй, характерных для того же Диккенса), а по-настоящему добрые, сформированные суровой природой Севера, жесткой эпохой послевоенного восстановления страны, трудными условиями островной жизни, но не озлобившиеся, крепко помнящие, что такое хорошо, и что такое плохо, понимающие, что жизнь имеет смысл, выходящий за пределы исключительно материального измерения и одинокой человеческой единицы.

Безусловно, в становлении именно таких характеров решающее значение приобретает воссозданный автором в произведении исторический момент. Если образы романа Диккенса отражают присущие периоду первоначального накопления капитала аморализм, алчность, бездушие, то герои Яшина бытуют в Советской стране второй половины XX века, и для них социально (здесь чрезвычайно важно подчеркнуть: не идеологически, а именно социально) детерминированный гуманизм эпохи становится сутью мировоззрения. Пусть в чём-то наивны, но милы люди, окружающие Николку и на Большом Оленьем острове, и на других островах, и в городе Полярном, и на родине отца в деревне Дворцы. Все эти североморцы и калужане, подводники и учителя, сельские жители и горожане – как они симпатичны и непосредственны! А. Яшин, оставаясь верным принципам реализма в литературе, далек от того, чтобы живописать нам исключительно положительные образы. Конечно, нет! Иначе они вышли бы ходульными и нежизненными. Подчас кто-то из героев книги хитрит, кто-то в погоне за лучшей жизнью выискивает способы заработка полегче, кто-то, не славив с искусством игры на мандолине, в сердцах расшибает неподатливый инструмент о стену сарая, мальчишки покуривают тайком от родителей, взрослые матерят Хрущёва за допущенные ошибки, иногда тянутся к бутылке... Слабости северян нам понятны, мы прощаем их недостатки по отмеченной выше причине – это люди добрые.

Свет их доброты для Николки подобен свету маяка, за которым смотрит отец: этот свет в будущем не раз выручит, покажет нужное направление, внушит надежду. И сам маяк, следовательно, приобретает черты образа-символа. Да, свет отчего дома, свет доброты согревает и поддерживает главного героя «Страны холода», приучает к жизни непростой, небогатой, но наполненной теплом родства, свойства, землячества, вековой правдой семейного уклада, уважением к труду, к службе Отечеству, осознанием гармонии человека и природы. И мы, заглянув в послесловие книги, убеждаемся: приарктическая Гиперборея в итоге научила Николку быть счастливым.

Следует отметить, что роман воспитания после Второй мировой войны получил дополнительный импульс к развитию, психологически достоверно отразив взросление подростка в мире, обожжённом глобальным пожаром. Огромную популярность получило, в частности, произведение Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Переклички с этим романом тоже слышны в повести «Страна холода» (2), и они тоже переосмыслены автором по принципу «от обратного». Герои обоих произведений не приемлют фарисейства, не признают «липы» в любых её проявлениях. Но на поверку выясняется, что если американское общество насквозь пропитано лицемерием, то в советском неискренность мира взрослых проявляется в довольно узком сегменте идеологии, отливаясь, скажем, в нескладные лозунги, прославляющих царицу полей кукурузу. Однако идеология и реальная жизнь в книге А. Яшина практически не пересекаются. Приняв как данность сформулированные властью идейные принципы, люди живут прежде всего не политическими, а государственными, народными и, разумеется, личными насущными интересами, именно их ставят во главу угла как собственного бытования, так и бытования своих детей.

Потерянно слоняющийся по Нью-Йорку Холден Колфилд не уважает и боится родителей, с подозрением относится к учителям, раздражается при общении со сверстниками. Американский юноша представляет собой ярко выраженный психотип одиночки, и вопрос о его социализации относится к разряду мечтаний (хотя и в мечтах своих Холден остается одиноким: он предпочёл бы оказаться единственным взрослым на планете детей). Принципиально иная ситуация у Николки из книги А. Яшина. Семейный лад, коллективистские принципы школьного обучения и воспитания, самоотверженное мальчишеское братство создают личность, активно взаимодействующую с другими членами общества, готовую к проявлению лучших своих качеств, к творческому поиску, и в этом отношении гораздо более свободную.

Инфантильному герою Сэлинджера потребовалось пережить череду разочарований и совершить несколько горестных открытий, касающихся собственного внутреннего мира и внутреннего мира окружающих, чтобы понять святость миссии старшего брата, чтобы увидеть призвание в удержании тысяч малышей, оставшихся без присмотра взрослых, от падения в пропасть. Николка с Большого Оленьего (хотя он и младше Холдена) уже готов заботиться о братьях, об одноклассниках, о доме, о домашних питомцах, об острове, на котором живет; и нет сомнений в том, что в будущем он способен осознанно взять на себя заботу о стране, о народе. С

такими парнями, как Николка, хорошо учиться в одной студенческой группе, служить в одном армейском подразделении, работать в одном КБ. Таких приглашают свидетелями на свадьбу, зовут в крестные. На таких держится Россия.

Для понимания своеобразия жанра повести «Страна холода», безусловно, следует принять во внимание локализацию действия произведения. Главный герой, как уже неоднократно отмечалось, живет на острове, и это чрезвычайно показательно. И хотя Николка не раз посылается автором то в город Полярный, то «на большую землю» – в Калужскую область, все же он по рождению и мировосприятию островитянин. Так дорог автору герой, что хочется его на какое-то время защитить от возможных дурных влияний, от предстоящих тягот повседневной жизни, растянуть его пребывание в островном заповеднике, поместить в устойчивую и благоприятную систему координат, чтобы как можно дольше любоваться нетронутым северным цветком, пусть и неярким, зато спокойно-красивым.

И вновь приходят на память традиции тех книг, в которых островная жизнь становится способом выражения позиции писателя. В этой череде и «Утопия» Томаса Мора (здесь само заглавие стало обозначением жанра), и аллегорический роман Таллемана «Езда в остров любви», и «Робинзон Крузо» Дефо (роман просветительский), и сатирико-фантастические «Путешествия Гулливера», описанные Свифтом, и сентиментальный роман Карамзина «Остров Борнгольм», и «Остров сокровищ» Стивенсона (тоже роман воспитательный в той же мере, в какой приключенческий), и мрачная социальная фантазия Голдинга «Повелитель мух», и «Обитаемый остров» Стругацких (фантастическая антиутопия по жанру).

Каждый раз, когда в литературном произведении мы сталкиваемся с островным пространством, мы сталкиваемся с пространством не географическим, а культурным, обособленным в национальном либо историческом плане от иных (предшествовавших или же смежных) культурных явлений. Помещенные на острова герои литературных произведений представляют собой поведенческие модели, которые авторы выносят на суд читателя в качестве то образца, а то предостережения. Поэтому и «Страну холода» с полным правом мы можем считать стоящей в данном ряду попыткой индивидуальной, социальной и национальной самоидентификации. Отображая жизнь на Большом Оленьем, на других островах Кольского залива, автор производит над собой и своим героем художественных эксперимент и тем самым провоцирует читателей на подобное же самоопределение. В ментальном смысле для каждого из нас есть

возможность либо принять сконструированный А. Яшиным мир и остаться на острове вместе с Николкой, либо решительно направиться к другим берегам. Третьего не дано.

А теперь о теплых словах, т.е. о языке писателя Яшина (который важен и интересен ровно в той же степени, в какой значимы его жанровые поиски). Слова в «Стране холода» в самом деле теплы, поскольку передают сердечное отношение автора к своим персонажам и читателям. Текст «Страны холода» – одна из редких в нашей литературе попыток противостоять раковой опухоли, поразившей современный русский язык.

Очумевшие от телевизора, загоняющие себя в родственную наркотической интернет-зависимость, россияне – нерадивые наследники Ломоносова, Карамзина, Пушкина – отравили родную речь корявыми штампованными заимствованиями, залили кислотой мата, заразили трихинами тупорылых невыразительных жаргонизмов. Доброе, меткое, яркое слово нынче почти не слышно в городской толпе или на деревенской завалянке; в деловом «словообороте» воцарились канцеляризмизантропы; в сфере образования правит бал псевдонаучный говор молодящихся профанов; умно и правильно излагающий мысль (как в устной, так и в письменной форме) комментатор – редкий гость в средствах массовой информации. А те, кто именуют себя писателями, зачастую выставляют свои словеса на панель все того же «арт-рынка» или скандального сиюминутного успеха точно так же, как сутенер гонит на «работу» подопечных «девочек».

Посему каждому из нас, носителей русского языка, нужно крепко подумать, прежде чем выпустить из уст слово: не воробей оно, да нагадить на голову ближнему может (и весьма обильно, ежели изрекать его не подумавши). Нам бы всем помолчать годок-другой, размышляя о русском слове, в тишине приголубливая его, любуясь им, учась у него – глядишь, после того и промолвили бы нечто доброе, полезное, душеспасительное... Не выйдет, конечно, умолкнуть дружно и надолго! Но хотя бы на час в сутки всякий может приостановить поток высказываний и прислушаться к тому, как, чем они отзываются в его собственной душе; но хотя бы на минуту любой в любом разговоре способен прикрыть рот, попробовав представить, какие чувства и мысли рождает в собеседнике его витийство; но хотя бы на секунду каждый в силах сдержать рвущееся в мир словцо, дабы ощутить его вкус и весомость.

Неплохо бы также взять в руки хорошую книгу, вчитываясь в хорошие слова. Например, «Страна холода» щедро изукрашена яркими речениями, от которых на душе становится веселее и легче. Почти наугад раскрывая

страницу, обязательно встречаешься с фразой, которая не столько повествует о событиях или описывает быт героев, сколько выражает суть их жизни. Судите сами: «С Николкой, конечно же, никто на этот счет не советовался, но на то и уши даны слушать разговоры отца с матерью. Секретничать же в семье и в заводе не было принято. По северным, маячным меркам тринадцатилетний парень по разумению – если не дурак, перед которым шапки не снимают, от рождения – уже не задает глупых вопросов по житейской части. И без родительских рассуждений понимал: когда все трое неоперившихся, как старшие Георгий и Толька, сыновей большую часть времени на отлете в Полярном, то и сама семья внешне и по сути смотрится этакой кривобокой». Или вот такой абзац: «Ребята притихли на лавках вдоль стен, но зорко смотрят: не опоздать бы и, обжигая пальцы, побыстрее схватить с вытащенного матерью противня раскаленный сладкий пирог или творожную шаньгу и со вдохом проводить глазами отправляемый остывать рыбник – запеченную в хлебном домике трехкилограммовую треску или плоскую истекающую жиром камбалу».

На многих страницах книги встречаешь задорные и мудрые присловья, присказки, пословицы и поговорки, яркие обороты народной речи: «девять месяцев зима, остальное лето», «чему посмеешься, тому и поработаешь», «где та мышь, чтобы коту звонок привесила?», «сказал бы словечко, да волк недалечко», «болтать – не мешки ворочать», «от Колы до ада три версты». Включает А. Яшин в свой текст и колоритные диалектизмы («у него рука броска, себе лоб расшибет, если баским не покажется»), и народную частушку («Загрустил миленок мой, ничего не кушает, У приемника сидит, оперную слушает»). Все это создает особую языковую среду, именно теплую среду, которая и от мурманской метели сбережет, и от житейской тоски.

Само оглавление «Страны холода» можно прочитать как яркий текст, в котором встречаются душевные, запоминающиеся обороты речи: «Лиха беда начало, а мы пойдем с конца...», «На море зыбит, каникулы на новом месте идут неторопко», «Мил черт одному сатане...», «Обряжение бани...», «Торпеда, подожди до обеда», «Чужая докука – злая мука, или живи да оглядывайся», «Мы к вам, а и вы к нам тоже», «За морем телушка полушка, да рубль перевозу», «Не тупи ученье – потеряешь соображенье», «Воспитательные мысли не на сковородке готовятся», «Островной берег не имеет начала и конца». Простые, казалось бы, слова, забавные, ни к чему не обязывающие рифмовки, а встают за ними проверенные народным опытом истины. И тянет читателя заглянуть в каждый раздел книги и разобраться, для чего обряжают баню, где готовятся воспитательные мысли, с какой

стороны заходить к повествованию. Чтобы разобраться, в конце концов, как следует жить!

За каждым словом в «Стране холода» видится нам то легкая усмешка автора, то его озабоченное лицо, когда пойдут воспоминания о прошлом, то нахмуренное чело, если речь коснется дня завтрашнего. В целом, познакомившись с повестью, выносишь для себя впечатление беседы с мудрым человеком, познавшим жизнь, понявшим в ней нечто такое, чем он готов с нами поделиться, помочь нам. Так пусть же его труд пойдет нам впрок.

Игорь Карлов, писатель, публицист, искусствовед, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова, дипломант и призер сетевого литературного конкурса «Белая скрижаль», Отличник народного просвещения Монголии, кандидат педагогических наук